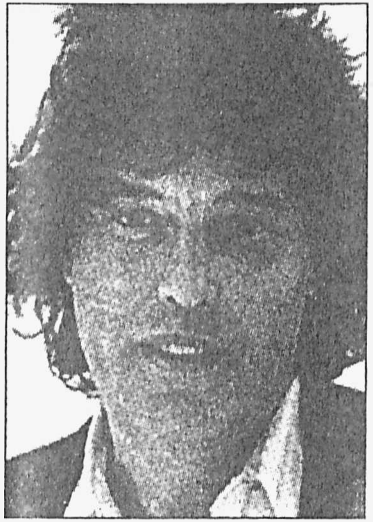
Экран и сцена. – 2003 – апр. (№8). – С.5.

Русская утопия по-британски

Мария КАРП



• Том Стоппард

Все началось с того, что Том Стоппард, наверное, самый знаменитый из живых британских драматургов, увидел на сцене Королевского Национального театра горьковских "Дачников", поставленных Тревором Нанном. Это был замечательный спектакль, и Стоппарду запала в душу мысль написать пьесу о русских. Как бы русскую пьесу – с разговорами о политике, романами, усадьбой. За русскими далеко ходить не пришлось. В Лондоне двенадцать лет прожил Герцен, Лондон – родина "Колокола". То, что получилось у Стоппарда в результате штудирования "Былого и дум", герценовской переписки, книг английских специалистов ("Русские мыслители" Исайи Берлина, "Романтические изгнанники" Карра), вылилось в трилогию "Берега утопии". Она была поставлена Тревором Нанном в Национальном театре и шла с августа по ноябрь по три вечера или девять часов подряд.

"Плавание", "Кораблекрушение" и "Спасение" – так метафорически называются ее части. В трилогии действуют Герцен и Огарев, Белинский и Бакунин, Чаадаев и Тургенев, Грановский и Чернышевский, Аксаков и Шевырев, Маркс и Луи Блан. Действие начинается в 1833 году в подмосковной усадьбе Бакуниных Премухине (вот где отзвук "Дачников"!) и завершается в 1865 году в Женеве. Между ними – замечательно воссозданные с помощью новейшей видеотехники – Москва, Петербург, Париж (охваченный революцией 1848 года), Ницца и, конечно, Лондон, мягкий либеральный Лондон с зелеными холмами и детскими воздушными змеями, трепещущими в небе. Герцен Стоппарда говорит: "Англичане предоставляют убежище из уважения к самим себе. Они изобрели понятие личной свободы и сделали это безо всяких теорий на эту тему". Русским, понятное дело, без теории никак. И они свои теории заимствуют не откуда-нибудь, а из немецкой философии. Но если в первой части трилогии Стоппард относится к склонности русских теоретизировать иронически (в Премухинской усадьбе четыре красавицы, сестры Бакунина, никак не могут отвлечь товарищей брата от споров о Гегеле и Канте), то в последующих частях, когда действие сосредоточивается на Герцене, драматург, зачарованный его прекрасными речами, заставляет Александра Ивановича разговаривать цитатами, кусками из статей и воспоминаний. Чем дальше, тем больше пьеса-трилогия, а за ней и спектакль превращаются в литературно-документально-драматическую композицию.

Отправившись в плавание по историческому морю, Том Стоппард тонет в фактах и теориях. Ему на помощь приходит драма жизни Герцена (ее, прямо скажем, может быть и больше, чем на три пьесы хватило бы). Но все в "Берегах утопии", – и гибель сына Коли, и роман Натальи Александровны Герцен с Гервегом, и увлечение Александра Ивановича гувернанткой его детей, – оборачивается традиционной мелодрамой девятнадцатого века.

"Только в английском языке есть эта игра слов, "PLAY" – и пьеса, и игра. Я люблю игровое начало в пьесе, игру с публикой", – как-то сказал драматург. Игра слов, блеск шаржа, бурлеска всегда отличали пьесы Стоппарда. Однако смело взявшись за русскую пьесу с десятками персонажей, дружащих, любящих, ссорящихся на протяжении тридцати пяти лет истории политической мысли, он, кажется забыл, что пьеса и игра – по-английски одно слово.

Что же остается, с чем выходят из зала Королевского Национального театра интеллигентные англичане, мужественно просидевшие там девять часов кряду? С воспоминаниями о великолепно произнесенных актером Стивеном Диллэне возвышенных герценовских текстах, о реплике Маркса, признающегося в том, что в глаза не видел ни одного рабочего, с умилением бесчисленным количеством очаровательных детей, выводимых на сцену. Скорее всего, они не смогут забыть самое главное, лучшую актерскую работу спектакля – образ неистового Виссариона в исполнении Вилла Кина, неуклюжего, неловкого, страдающего от незнания иностранных языков, страстно убежденного в том, что сейчас-то в России порядочных писателей нет, но в будущем, когда люди в других странах будут произносить: "Россия", они будут думать: "Литература".